«Мы - нейтралитет». В чём состоит работа белгородского тюремного психолога?

Попадая в тюрьму, осужденные могут испытать абсолютно разные эмоции: от гнева и агрессии до чувства страха и опустошенности. Чтобы человек не сошел с ума в новой для него обстановке, его приводят на встречу к психологу, который не только помогает осужденному адаптироваться, но и распознает дальнейшие и вероятные попытки суицида.

В Белгородской области находится семь тюремных исправительных учреждений: ФКУ ИК-4, ФКУ ИК-5, ФКУ-6, ФКУ ИК-7, КП-8 УФСИН, ФКУ ИК-9 и ФКУ НВК. Только за 2020 год в тюремные учреждения поступило 1 645 мужчин, 68 женщин и 36 несовершеннолетних детей и подростков. В сумме это 1749 осужденных всего лишь за один год.

Чтобы разобраться, что ждет осужденных по ту сторону и как им помогают освоиться, мы поговорили с бывшим сотрудником Следственного Изолятора №3 города Белгорода. Денис Скорняков работал тюремным психологом в СИЗО-3 на протяжении трех лет.

— Чем отличается СИЗО-3 от других колоний в Белгороде?

— Вся Россия едет транзитом через нас. Например, из Саратова в Ростов отбывать наказание — попадает к нам. В колонии осужденные остаются, а у нас он может побыть день, два, полгода. У нас более разноплановая работа, потому что работаем со всеми категориями: осуждённые, подследственные и подозреваемые. Например, ИК-5 в Сосновке — это колония строго режима. В Следственном изоляторе №2 в Старом Осколе лимит маленький — около 200 человек, но там только мужчины. У нас же заключённые и женщины, и мужчины, и несовершеннолетние.

— Как проходят Ваши рабочие дни?

— Дни никогда не повторяются. По большей части, рабочий день с восьми утра до пяти вечера, но по факту, он может закончиться и в семь вечера. С утра происходит аудио-визуальная диагностика поступающего на службу

с оружием: идем к ним, шутим, смотрим на его реакцию, если у него какие-то проблемы, то мы его не допускаем на службу. В таком случае, выступает подмена из резервной группы, в которой состоит три человека. Они нужны на случай болезни, травмы или чего хуже. Следственный изолятор похож на организм: если в охранном отделе произойдет какое-то ЧП, то это отразится на работе всего учреждения. Далее составляем примерный план, начинаем заниматься с бумагами. Потом уже можем пойти в карантин и поработать с людьми. До обеда можем провести занятия с несовершеннолетними: арт-терапия, сказкотерапия. Можем принять подследственных по заявлению на личный прием. Если заключённый не уживается с сокамерниками, мы поднимаем вопрос о переводе. После обеда стараемся заниматься бумагами и организационными моментами.

— Как вы начинаете общение с осуждёнными в карантине?

— Первым делом я спрашиваю о желании работы с психологом, так как это добровольно. Если человек соглашается, мы подписываем определенное положение, где оставляем свои инициалы, дату и подписи. Оставляю несколько методик, чтобы понять его личные характеристики, склонности к деструктивному поведению, суицидальный риск и так далее. После — обрабатываю тесты, пишу характеристику, составляю психологический портрет и прикрепляю к соглашению, которое вшивается в личное дело этого лица. То есть, в какую колонию заключённый не отправится, наши коллегипсихологи будут видеть его характеристику и работать с этим материалом. Однако они все равно проводят свои исследования, потому что срок оправданности диагностики — до трёх месяцев.

— Как часто соглашаются на психологическую помощь?

— Из общей массы 75% соглашаются. По статистике прошлых лет психологическую диагностику прошли в среднем 2740 человек. Даже в случае отказа, мы должны написать на него характеристику на основе аудио-визуальной диагностики. Всё зависит от психолога. Кто-то сразу спросит: «Надо или не надо?». Лучше, конечно, пошутить с человеком, познакомиться, наладить с ним контакт и задать вопросы. Каждый психолог в тюрьме не то, чтобы друг заключенному, но и не враг. Мы — нейтралитет.

— Сколько человек находится в камере?

— У нас камеры на два и на четыре человека идут в шахматном порядке. Содержатся курящие с некурящими, судимые ранее и не судимые вместе не должны. То же касается убийц и воров — в одну камеру их не посадят. Несовершеннолетние только с несовершеннолетними, мошенники с мошенниками, наркоманы с наркоманами и тому подобное. С разрешения прокурора области мы можем подсадить к несовершеннолетнему взрослого, но это в крайнем случае.

— Допустим, в камере сидит два человека, оба — убийцы. Случались ли конфликты между ними?

— В моей практике был один конфликт у женщин, но и то, это носило более бытовой характер — телевизор не поделили (улыбается).

— Расскажите, в каких условиях содержатся осуждённые?

— Камеры приведены к европейскому стандарту, то есть, из расчёта четыре квадратных метра на человека. Имеется спальное место, горячая и холодная вода, санузел, который в каждой камере закрыт, согласно женевской конвенции, если не ошибаюсь. Телевизор обычно передают родственники, следовательно, есть он не у всех. У несовершеннолетних более комфортные условия: есть холодильник, вентилятор. Сейчас думают ввести в их камеры душевые кабины, кондиционеры, телевизоры в обязательном порядке. Можно назвать санаторием советского времени. Такой жести, как показывают в кино, когда повешены занавески, тюремный зал прокуренный — такого нет. Каждый день назначается дежурный по камере. В камерах есть бачок с водой, а в случае перебоев с водоснабжением — трёхдневный запас воды. Если заключённому некому передать вещи для гигиены, то он имеет право написать заявление на имя начальника учреждения с просьбой оказать благотворительную помощь в виде стирального порошка, зубной щётки, бритвенных принадлежностей.

— Если сравнивать мужчину и женщину, бывали ли такие случаи, когда женщина оказывалась агрессивнее мужчины?

— Зачастую именно женщины являются агрессорами. Но и агрессия бывает разной. Это может быть аутоагрессия, направленная на самого себя, либо агрессия, которая заключается в попытках осудить социум, переложить вину на окружающих. Например, «я украл не потому, что я так захотел, а потому что меня попросили или вынудили обстоятельства» — всё это звучит размыто, можно сделать вывод, что человек перекладывает свою вину на других. Женщины сейчас редко садятся за убийство, зато тяжкие телесные случаются чаще: поругалась с мужем, и он случайно упал на нож, получив 53 ножевых ранения. Сложнее работать с женщинами, потому что женщины по природе более эмоциональные существа: они слышат больше, выводы делают быстрее и опираются не только на то, что услышали, но и на то, как это было сказано. Каждый случай индивидуален, поэтому составить процент женщин, с которыми легче работать, или процент мужчин, с которыми сложнее работать, я не могу.

— Как работаете с иностранными гражданами?

— С иностранцами работа очень интересная, потому что в Следственный изолятор №2 иностранцы не попадают, все едут только к нам. Попадают обычно за незаконное прохождение границы. Это довольно интересно лично для меня: получилось так, что более-менее английским языком владею я, поэтому все иностранцы попадают на приём именно ко мне. Если с русскоязычным человеком мы можем поговорить на любые темы, то здесь уже приходится какую-то изобретательность применять, какое-то более гибкое мышление, та же самая психодиагностика иностранца — она возможна. Никто не отменял методики арт-терапии, на том же английском я его могу попросить нарисовать дом, дерево, человека. Также подходит любимая методика детских психологов — придумать несуществующее животное, имя, кличку. Цветовой тест Люшер — когда раскладывается семь разноцветных карточек, тест восьми увлечений Сонди, где мы выбираем два приятных и два неприятных лица.

— Приведёте случай работы с иностранцами?

— Например, в октябре 2017 года к нам прибыли граждане Бангладеша. Один из них понимал общие фразы на английском, второй разговаривал неплохо, а третий свободно общался. Они прибыли в пятницу вечером, а я увидел их в понедельник. У них было раздельное содержание все три дня,

да и вообще, тюремное заключение — это огромный стресс. У меня такая методика: оставляю лист и ручку, они пишут свои вопросы, и потом я точно так же передаю им свои ответы. Так и происходит диалог с иностранными заключёнными, потому что на слух можно неправильно понять или не понять вовсе, так как у всех разное произношение, акцент. Тот, который меньше всего разговаривает на английском, оказался болен сахарным диабетом. Я это понял по слову, которое он сказал: «Инсулин». Сразу же встал вопрос, а проводили ли медицинское обследование или про него забыли. После обследования подозрения подтвердились. У него наблюдались головные боли, давление, потому что человек три дня не принимал лекарства. Была назначена медицинская помощь, самочувствие привели в норму. Если бы наш подопечный скончался, то были бы разборки высокого уровня. Тут речь как раз о своевременности визита психолога к клиенту.

— Попадались ли вам такие клиенты, которые нападали на вас или ваших коллег?

— Грош тому психологу цена, если на него будут нападать клиенты (смеётся). Наша задача — перевести любой конфликт в шутку, сгладить и не дать ему развиться. Я сам попадал в такие ситуации, когда я понимал, что сейчас может случиться ЧП. Я нахожусь в камере один, и по инструкции за мной должны захлопнуть дверь. В случае нападения на сотрудника, постовой захлопывает дверь, закрывает на ключ, нажимает на кнопку. Случаев нападения в изоляторе не было с 2011 года и, надеюсь, не будет.

— Вам разрешено в случае ЧС использовать силу по отношению к вашим клиентам?

— Это предусмотрено законом: применение физической силы к любому, кто содержится в тюрьме, колонии, либо в изоляторе. Всё чётко регламентировано законом. Однако следует сначала предупредить заключённого: «Мы намерены применить силу, если не будут выполнены законные требования сотрудников». За исключением тех случаев, когда нож к горлу приставят. Там уже разговаривать некогда. Мне не приходилось ни предупреждать, ни применять силу по отношению к заключённым. Любой сотрудник обязан уметь выходить из конфликтной ситуации, снимать острые вопросы, сглаживать ситуацию, не допускать таких развитий событий. Мы

с сотрудниками проходим обучение разрешению конфликтов, также проводим занятия, направленные на умение спрогнозировать, распознать суицидальные намерения наших подопечных. Таких ситуаций немного, но они бывают.

— Случались ли суициды в вашей тюрьме?

— К сожалению, да. Любой суицид — это проблема для всего учреждения. Камеры оборудованы двумя видеокамерами, есть оператор, который следит, есть группы людей, которые склонны к суициду, побегу и тому подобное. Но бывает такое, что люди, которые не состоят в таких группах и не были вовремя распознаны, кончают жизнь самоубийством. В основном это те случаи, когда во время какого-то давления было сказано вскользь «да я повешусь», чтобы как-то задеть сотрудников, но это не было воспринято всерьез.

— Кто и как помогает заключенному выйти на свободу после длительного заключения?

— Тут на самом деле комплексная работа: не только психологов, но и врачей, священнослужителей, воспитателей и так далее. Есть что-то вроде курсов, которые проводят для осуждённых, готовящихся к освобождению. Сначала мы работаем, чтобы человек адаптировался к условиям изоляции, помогаем ему привыкнуть и выработать правильную линию поведения, а потом помогаем в период освобождения, когда остается около полугода до выхода: выйти в социум и спокойно реагировать на те изменения, которые произошли за те 15 лет, которые он сидел. Потому что это стресс и без помощи адаптироваться к таким изменениям невозможно. Происходит целая работа по освобождению.

— Сильно ли отличается реальная тюрьма от тюрьмы в фильмах?

— Да, сильно. Понятно, что от колючей проволоки и решёток на окнах мы не уйдём никуда, но заключённым, естественно никто не грубит, никто не хамит, опять же, чтобы не спровоцировать конфликт и ЧС. Ну и мягкого отношения такого нет, не цветочками торгуем всё-таки. Больше такой мягкий

нейтралитет, сглаженный. Всё равно тюрьма общается, она живёт своей жизнью, грубо говоря. Задержали — сиди тихо, мирно, жди заключение суда, а там уже поедешь в колонию. Основная задача изолятора — перевалочный пункт, можно так сказать. Наши подопечные заинтересованы в поддержании баланса, тем более в колониях, где отрядная система. Это у нас в камерах люди содержатся, а там отряды 120–140 человек. Надо уметь совладать с этой массой и правильно построить свою беседу и поведение.